

Причастия на -сь в русском поэтическом языке XVIII–XIX веков

© 2018

Елена Аркадьевна Галинская^а,
Александр Чедович Пиперски^{б, @}^аМГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; ^бНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; [@]apiperski@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается форма возвратного постфикса в русских причастиях. Исконные древнерусские причастия были утрачены или лексикализировались, а затем этот класс словоформ был заимствован из церковнославянского языка, и оказалось, что в них всегда используется постфикс -ся, в то время как в других глагольных формах употребляется -ся после согласных и -сь после гласных. Причастия на -сь практически не встречаются в прозаических текстах, однако их можно обнаружить в русской поэзии XVIII — начала XIX в. По большей части они используются для соблюдения размера, однако могут выполнять и стилистическую функцию, поскольку звучат (псевдо-)архаично. Особенно ярко пристрастие к причастиям на -сь проявляется в переводе «Илиады» Николая Гнедича, который последовательно употребляет причастия на -ся после согласных и причастия на -сь после гласных. Однако этот эксперимент так и остался единственным в своем роде и не был воспроизведен даже Василием Жуковским в его переводе «Одиссеи», где по ритмическим причинам просто избегаются возвратные причастия в формах на -ся после гласного, а не усекается возвратный постфикс.

Ключевые слова: Василий Жуковский, Николай Гнедич, причастия, русский язык, усеченные формы, язык поэзии

Для цитирования: Галинская Е. А., Пиперски А. Ч. Причастия на -сь в русском поэтическом языке XVIII–XIX веков // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 77–86. DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.

Благодарности: Работа А. Ч. Пиперски выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10196). Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов за ценные замечания.

Participles in -s' in the language of Russian poetry of the 18th and 19th centuries

Elena A. Galinskaya^а, Alexander Ch. Piperski^{б, @}^аLomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ^бNational Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; [@]apiperski@gmail.com

Abstract: The paper discusses the form of the reflexive suffix in Russian participles. The original Old Russian participles had been lost or lexicalized in Russian, and the class of participles was later re-borrowed from Church Slavonic, where they uniformly use -sja as a reflexive suffix, whereas other verbal forms have -sja after consonants and -s' after vowels. Participles ending in -s' are almost unattested in prosaic texts, but they are present in Russian poetry of the 18th century and the beginning of the 19th century. They are mostly used to achieve metrical well-formedness, but can also serve a stylistic purpose, since they sound (pseudo-) archaic. This can be observed in the translation of the *Iliad* by Nikolay Gnedich, who consistently uses participles in -sja after consonants and participles in -s' after vowels. However, this experiment remained unique, and Gnedich was not followed even by Vasily Zhukovsky in his translation of the *Odyssey*, where forms in -sja after vowels are simply avoided for metrical reasons rather than replaced with forms in -s'.

Keywords: clipped forms, Nikolay Gnedich, participles, poetic language, Russian, Vasily Zhukovsky

For citation: Galinskaya E. A., Piperski A. Ch. Participles in -s' in the language of Russian poetry of the 18th and 19th centuries. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 5. Pp. 77–86. DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.

Acknowledgements: The work of A. Ch. Piperski was supported by Russian Science Foundation (project No. 17-78-10196). The authors are grateful to the anonymous reviewers for their insightful comments.

В истории русского языка после падения редуцированных на протяжении нескольких столетий протекал нетривиальный фонетико-морфологический процесс отпадения конечных безударных гласных полного образования. Морфологические позиции, где этот процесс имел место, ученые перечисляли уже очень давно (см., например, обзор материалов, собранных А. И. Соболевским, Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецовым, в [Зализняк 2002: 550–551]), но наиболее полно условия отпадения конечных гласных сформулировал А. А. Зализняк. Факультативно (а в ряде случаев окончательно) отпадали те конечные безударные гласные фонетического слова, которым предшествовал одиночный согласный или группа [ст], при условии, что такие гласные не составляли отдельного морфа [Там же: 552]. Например: *тамо* → *там*, *сквозьъ* → *сквозь*, *сильнѣе* → *сильнѣй*, *ли* → *ль* (частица), *купалася* → *купалась*, *училися* → *учились*, *тою* → *той*, *доброю* → *доброй* и т. д. Число исключений из этого правила невелико.

Процесс отпадения конечных безударных гласных мог быть окончательным и бесповоротным. Например, в окончании 2 л. ед. ч. презенса повсеместно отпал конечный [и]: *пишеши* → *пишешь*. Частица *ведь*, произошедшая из архаичной презентно-перфектной формы 1 л. ед. ч. *въѣдѣ*, конечного гласного уже не имеет нигде. Окончательно отпал конечный [и] в формах дательного падежа единственного числа *домови* и *долови*, когда они подверглись адвербиализации. Получившиеся наречия *домовь* и *доловь*, правда, в дальнейшем видоизменились: согласный [в'], ставший в одних говорах в абсолютном конце слова губно-губным, а в других сохранивший губно-зубную артикуляцию и еще не оглушившийся в [ф'], сохранял некоторое время следы своего сонорного происхождения и был заменен на [j] в результате тенденции к взаимной мене сонорных согласных, известной русским диалектам на разных этапах их существования, так что образовались наречия *домой* и *долонь*.

В целом ряде случаев отпадение конечных гласных было факультативным, ср. совр. *с ней* ~ *с нею*, *мы б* ~ *мы бы*, *ты ж* ~ *ты же*. Известно диалектное распределение форм с отпавшим и неотпавшим гласным: например, в некоторых севернорусских говорах распространены инфинитивы с суффиксом *-ти*, так как в его составе не отпал безударный [и] (*ходи́ти*, *говори́ти*), а в южнорусских и среднерусских говорах конечный безударный [и] в инфинитиве последовательно отпадал. Более того, в некоторых из таких говоров произошла перетяжка ударения на основу, заканчивающуюся согласным, и конечный гласный после группы [с'т'] исчез: *принѣсть*, *цвѣсть*, *ростъ* и т. д. Аналогично обстоят дела с формами повелительного наклонения. В части севернорусских говоров конечный безударный гласный в этих формах может сохраняться (например, *бро́си*, *ся́ди*, *спря́чи*). В других же говорах процесс утраты конечного гласного шел последовательно, откуда формы типа *брось*, *сядь*, *спрячь*. В некоторых говорах такого типа, преимущественно южнорусских, у ряда глаголов, которые в других диалектах и литературном языке имеют ударение на окончании, происходит оттяжка ударения на основу, что приводит к отпадению [и] (например, *полóжь*, *посóль*, *отгóнь*).

Фонетический процесс отпадения конечных безударных гласных протекал только в живом древнерусском языке и проходил с XII по XVI в. В то же время церковнославянское книжное чтение правилу о падении конечных гласных обыкновенно не подчинялось, поэтому слова, вошедшие в русский литературный язык нового типа из церковнославянского, обычно сохраняют конечную гласную, не защищенную группой согласных [Зализняк 2002: 552]. Примером здесь являются и отдельные неизменяемые слова типа *восвояси* (из *въ своа си*, букв. 'в свое (к) себе'), и целая категория слов — полные действительные причастия с постфиксом *-ся*. Последний факт объясняется нетривиальной историей причастий в русском языке.

Дело в том, что в процессе развития древнерусского языка некоторые действительные причастия настоящего времени адъективизировались, то есть полностью перешли в разряд прилагательных. Это случилось потому, что они перестали обозначать процессуальный признак предмета и приобрели значение статичного признака. В результате адъективизации причастий в русском языке появились такие прилагательные, как *горячий*, *высячий*, *стоячий*, *сидячий*, *лежащий*, *колючий*, *жгучий*, *живучий*. Прежние формы именительного падежа единственного числа типа *живаи* → *живаи*, *гораи*, *лежаи* приобрели такой же, как в остальных

формах, суффикс *-уч-* или *-ач-*, к которому прибавилось окончание полных прилагательных (*живаи* → *живучи*, *гораи* → *горачи*, *лежаи* → *лежащи*). Те действительные причастия настоящего времени, которые не адъективизировались, из разговорного языка исчезли совсем: например, сейчас нет форм типа **идущий*, **смотрящий*. Равным образом из живого разговорного употребления вышли полные действительные причастия прошедшего времени. Следует особо отметить, что ни одно причастие не срослось при адъективизации с клитикой *ся*, то есть не существует ни одного примера застывшего возвратного причастия типа **колющийся*.

Однако в современном русском литературном языке вне его разговорной разновидности полные формы причастий присутствуют и активно употребляются, являясь наследием предыдущей разновидности русского литературного языка, т. е. церковнославянского (смена типа литературного языка произошла в XVIII в.), где они были представлены всегда. Церковнославянское происхождение причастий проявляется в огласовке действительных причастий настоящего времени, которые имеют суффиксы *-ущ-*, *-ащ-*, где согласный опосредованно восходит к одному из южнославянских вариантов реализации праславянского сочетания **ij*. Кроме того, будучи церковнославянизмами, полные действительные причастия с возвратным постфиксом сохраняют конечный безударный гласный, хотя он и не защищен группой согласных: *стремящаяся*, *стремящиеся*, *боровицуюся*, *боровицегося* и т. д., а не **стремящаясь*, **стремящиесясь*, **боровицуюсь*, **боровицегось*. Ср. закономерные формы, восходящие к древнерусским и присущие как литературному языку, так и многим русским говорам: *стремилась*, *боролись*.

Тем не менее причастия на *-сь*, который стоит после окончаний на гласный, ограниченно встречаются в русском языке. В основном подкорпусе [НКРЯ] обнаруживаются два примера таких форм, причем оба они относятся к XVIII в. (запросы вида **ицаясь*», **ишаясь*», **ищеесь*», **ишеесь*» и т. д. в поиске точных форм с последующей ручной фильтрацией результатов; дата обращения: 12.03.2018):

- (1) а. *Кто выколет вранови око, **вперившеесь** в ночь?* [Григорий Сковорода. Наркисс (1760–1769)].

- б. *...а больше того о сем никому не приглашал и не пригласил, между тем, **собравшимсь** в устье р. Дуная казаками слышал он, что...* [Материалы Азовской губернской канцелярии по делу Якова Черногора (1777)].

Впрочем, такое количество причастий на *-сь* пренебрежимо мало на фоне общего количества причастий от возвратных глаголов (465 643 вхождения по запросу «**ся*», partcp» в лексико-грамматическом поиске). Однако есть тип текстов, в котором причастия на *-сь* представлены гораздо обильнее, — это поэзия. Такие формы встречаются в XVIII в. и достаточно распространены вплоть до 20-х гг. XIX в.:

- (2) а. *Там **зыблющаясь** тень и падающи воды
Прохладу мне дарят...*

(Михаил Муравьев, «Ода шестая», 1776)

- б. *У нас в земле найдут могилу
Враги, **гордившиеся** над ней.*

(Павел Катенин, «Мстислав Мстиславич», 1819)

- в. *Но можно ли исчислить бедства,
На сей **низвергнились** предел...*

(Василий Капнист, «Убивство», 1822)

- г. *Пусть кровь **дымящаясь**, пусть мертвых бледны виды
На Истме то явят, что зрели средь Колхиды.*

(Антон Дельвиг, «Медая», 1823)

Самый поздний пример, который удалось обнаружить в Поэтическом корпусе НКРЯ, датируется 1854 годом:

- (3) *Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,
Коли сумеешь ты прийти ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представят к ордену святого Станислава.*

(Козьма Прутков, «Звезда и брюхо», 1854)

Общая статистика употребления причастий на *-ся* и на *-сь* по данным Поэтического корпуса НКРЯ представлена в таблице 1. Всего найдено 58 причастий на *-сь*, что составляет 3,3 % от 1779 причастий в формах с окончанием на гласный. Ожидаемым образом, в большинстве случаев (кроме как с односложными окончаниями, о которых см. ниже) частотность форм на *-ся* заметно больше, чем частотность форм на *-сь*.

Таблица 1

Употребление форм причастий на *-сь* и *-ся*
в Поэтическом корпусе НКРЯ¹

Окончание	<i>-сь</i>			<i>-ся</i>			<i>-сь : -ся</i>
	наст	прош	Всего	наст	прош	Всего	
<i>-ая-</i>	5	2	7	136	191	327	1 : 47
<i>-ее-</i>	3	0	3	102	126	228	1 : 76
<i>-его-</i>	6	4	10	91	146	237	1 : 24
<i>-ему-</i>	1	0	1	29	53	82	1 : 82
<i>-ую-</i>	1	4	5	68	108	176	1 : 35
<i>-ею-</i>	0	0	0	8	17	25	0 : 25
<i>-ие-</i>	5	7	12	249	325	574	1 : 48
<i>-ими-</i>	0	4	4	33	23	56	1 : 14
<i>-а-</i>	8	1	9	9	2	11	1 : 1,2
<i>-е-</i>	5	2	7	4	1	5	1,4 : 1
Всего	34	24	58	729	992	1721	

Существование причастий на *-сь* отмечает Л. А. Булаховский [1948: 124]: «Современный язык не допускает в формах причастий замены конечного аффикса *-ся* сокращенным *-сь*. Хотя и не часто, такое сокращение в произведениях приподнятого стиля допускал стихотворный язык первой половины XIX века». Далее он приводит пять примеров таких форм из стихотворных произведений 1819–1842 гг., однако более подробного анализа правил употребления *-ся* и *-сь* не дает.

Причастия, оканчивающиеся на *-сь*, примыкают к намного более частотному классу форм — «усеченным» формам прилагательных и невозвратных причастий, которые были широко распространены в поэтическом языке XVIII в. и как наследие этого языка встречаются и у поэтов XIX в., например у Батюшкова и Пушкина [Винокур 1959а: 355–356].

¹ В таблицу не включены усеченные формы на *-и-*, поскольку такие причастия, зависящие от подлежащих во множественном числе, невозможно надежно отличить от деепричастий, например:

- (i) *Гордящись силою премногой,
Бессильны зрятся на суде;
Богатый вкупе и убогой
В единой страждут там беде.*

(Василий Майков, «О Страшном суде», 1763–1773)

«Усеченные» формы прилагательных и невозвратных причастий в качестве поэтической «вольности» употребляются в тех падежах, где они на слог короче полных форм, ср. у В. К. Тредиаковского: *всех радостей дом и сладка покоя, греческа сестра моя, на престол седиша увенчанна* [Винокур 1959б: 129]; или у М. Н. Муравьева: *я преселяюсь в туманну область сна* [Винокур 1959а: 349]; Г. О. Винокур отмечает, что такие усечения особенно характерны для творчества М. Н. Муравьева и И. И. Дмитриева². Между усечением окончания и усечением гласного в возвратном постфиксе есть не только внешнее сходство: эти явления часто встречаются вместе. Таблица 1 демонстрирует, что после односложных окончаний, т. е. в усеченных причастиях, формы на *-сь* и *-ся* имеют примерно одинаковую частотность (хотя абсолютные числа и малы): можно сказать, что усечение окончания с большой вероятностью влечет за собой и усечение возвратного постфикса. Многочисленные примеры подобного двойного усечения у М. Н. Муравьева уже отмечались исследователями: «...усечение таких форм в необходимых случаях сокращало многосложные причастия на один, а **чаще** (выделение наше. — Е. Г., А. П.) на два слога» [Петрова 1981: 166].

По всей вероятности, причастия на *-сь* в поэтическом языке XVIII — начала XIX в. служат в первую очередь средством соблюдения размера. Так, у того же Катенина, фрагмент из которого приводился выше как пример на *-сь*, можно встретить и причастия на *-ся* после гласного, если они вписываются в размер:

- (4) *Не — сорвавшаяся с плена
Львица, гладная людьми...*

(Павел Катенин, «Гений и Поэт», 1830)

Однако есть один автор, который явно осознанно использовал причастия на *-сь* как стилистический прием. Речь идет о Николае Гнедиче (1784–1833), известном в первую очередь благодаря переводу «Илиады» Гомера на русский язык, впервые увидевшему свет в 1829 г. Гнедич приступил к переводу в 1807 г., перелагая поэму Гомера alexandрийским стихом. Но в 1813 г. он начал переводить «Илиаду» заново, воспроизводя средствами русского языка размер подлинника — дактилический гекзаметр:

«Кончив шесть Песен, я убедился опытом, что перевод Гомера, как я его разумею, в стихах Александрийских не возможен, по крайней мере для меня; что остается для этого один способ, лучший и вернейший — гекзаметр. Пленный образом повествования Гомерова, которого прелесть не раздельна с формою стиха, я начал испытывать, нет ли возможности произвести Русским гекзаметром впечатления, какое получал я, читая Греческий» [Гнедич 1829: XI].

Гнедич всячески архаизировал язык своего перевода, используя не только стандартные, понятные любому читателю его времени церковнославянизмы типа *дщерь*, *власы*, *град*, *здрав*, *провождать* и т. д., но и специфические библеизмы, например:

- (5) а. *К куцам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куце
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался* (2: 18–19);

б. *Волну отрезал на агничих главах* (3: 273)³.

С целью архаизации языка и стилистического приближения перевода к древнегреческому оригиналу Гнедич употребляет многочисленные искусственные сложные слова, например: *немолчношумящей пучины* (1: 34), *псов празднобродных* (1: 50), *златотронная Ге-ра* (1: 208), *царь скиптроносец* (1: 279), *коннодоспешные мужи* (2: 1), *медянодоспешных*

² Подробно вопрос об усеченных прилагательных и невозвратных причастиях освещается, например, в работах Н. Н. Запольской [1985] и А. С. Кулевой [2017].

³ Здесь: *куца* — шатер (ср. сербск. *kuća* ‘дом’), *волна* — шерсть, *агничий* — овечий.

данаев (2: 46), к Елене *лилейнораменной* (3: 121), меч *среброгвоздный* (3: 334), *ветроногая вестница Зевса* (15: 200), за корабль *крепкоснастный* (16: 1)⁴.

Целям архаизации служат и синтаксические построения «Илиады». Так, вполне употребительна церковнославянская конструкция «да + индикатив» в значении опатива или придаточного цели:

- (6) а. Прочь удались и меня ты не гневай, **да** здрав **возвратишься!** (1: 33);
 б. Стань в колесницу, и вспать мы уклонимся; так не свирепствуй,
 Между передних бросаясь, **да** жизни своей **не погубишь** (5: 249–250).

Витиеватость и торжественность стиля достигается с помощью многочисленных инверсий, в частности практикуется разрыв именной группы:

- (7) а. Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
 Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
 Мстя, что блестящих даров **за свободу** принять **Хрисеиды**
 Я не хотел (1: 109–113);
 б. Старцу в женах **знаменитая** так отвечала **Елена** (3: 171);
 в. Гектор доколе дышал, и **Пелид** бездействовал **гневный**,
 И доколе нерушенным **град** возвышался **Приамов**,
 Гордое зданье данаев, стена неведимой стояла (12: 10–12).

По производимому эффекту в число средств архаизации встраивается последовательное употребление причастий с -сь после окончаний на гласный, хотя на самом деле это псевдо-архаизация, поскольку эти причастия, как было показано выше, подчиняются некогда действовавшим законам живого языка. Приведем часть имеющегося материала:

- (8) Им. п. ед. ч. жен. р.
 а. В прах голова, перед Гектора ноги, **крутящаясь** пала (13: 205);
 б. Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
 Гера, теперь **возвратившаясь** к нам от владыки Зевеса? (15: 130–131);
 (9) Род. п. и Вин. п. = Род. п. ед. ч. муж. р.
 а. ...хотя бы назвал самого ты Атрида,
 Властью ныне верховной **гордящегось** в рати ахейской (1: 90–91);
 б. Он ожидал Ахиллеса великого, **несшегось** прямо (22: 92);
 (10) Дат. п. ед. ч. муж. р. и ср. р.
 а. Жрец огорчился и вспать отошел; но ему **сребролукий**
 Скоро **молящемуся** внял, Аполлону любезен был старец (1: 380–381);
 б. Так не **свершившемусь**, гнева ни сам не смягчу, ни другому
 Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю (15: 72–73);
 (11) Вин. п. ед. ч. ср. р.
 а. Быстро пустился идти к кораблям и куцам ахейским,
 Крепкое вынести копье, у него **сохранявшиеесь** в куце (13: 167–168);
 б. Ветры всю ночь волновали высоко **крутящеесь** пламя (23: 217);

⁴ В фундаментальных трудах, посвященных истории русского литературного языка и поэтическому языку XIX в., язык Гнедича не анализируется [Виноградов 1978; 1982; Пеньковский 2012], но, например, филолог-классик, занимавшийся древнегреческой литературой и языком, И. И. Толстой [1935: 102] уже давно обратил внимание на церковнославянизмы и сложные слова в переводе «Илиады».

- (12) Вин. п. ед. ч. жен. р.
 а. *В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
 Брата увидевши кровь, **изливавшуюся** током из язвы* (4: 148–149);
 б. *И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
 Быстро **кружащуюсь**, в бок под крыло угодил он стрелой* (23: 874–875)
- (13) Тв. п. ед. ч. жен. р.
 а. *Встала она и, серебристыми тканями вокруг осеняя,
 Быстро из дому идет со **струящеюсь** нежной слезой* (3: 141–142);
 б. *В поле; а поле водою **разливишеюсь** все понималось* (21: 299–230)
- (14) Им. п. и Вин. п. = Им. п. мн. ч.
 а. *Копья пускай устремляют ахейне младшие, мужи,
Родившись после меня и надежные больше на силу* (4: 324–325);
 б. *Я у себя в почивальне искусно **створявшие** двери
 Быломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрыгнул...* (9: 475–476);
- (15) Тв. п. мн. ч.
*Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
 Их зацетила своими **катящимись** пышно водами* (21: 238–239).

Во всем тексте «Илиады» нет ни одной формы, которая оканчивалась бы на -ся после гласного и, разумеется, ни одной причастной формы, которая оканчивалась бы на -сь после согласного, то есть употребительны только формы типа *гордящегось, молящемусь* vs. *закачавшимся, дымящейся, явившихся*. Статистика распределения причастных форм по падежам, родам и числам представлена в таблице 2 (формы, в окончаниях которых последний звук — гласный и в которых мы, соответственно, встречаем причастия на -сь, выделены серой заливкой):

Таблица 2

Распределение форм возвратных причастий по падежам,
 родам и числам в переводе «Илиады» Н. Гнедича

Род, число \ Падеж	муж.	ср.	жен.	мн.
И	37	0	11	10
Р	6	0	5	20
Д	10	1	0	7
В = И	4	3	—	6
В = Р	20	0	—	11
В	—	—	6	—
Т	3	0	0 / 3 ⁵	1
П	1	0	1	1

Из таблицы 2 видно, что причастия на -сь в «Илиаде» отнюдь не редкость: их насчитывается 77, а причастий на -ся — 90; иными словами, причастия на -сь составляют 77 / 167 = 46 % от общего числа причастий в тексте.

Причастия на -сь встречаются и в других произведениях Гнедича. К примеру, в поэме «Рыбаки» (1821) читаем: *Так юноши думы в **синевишуюсь** даль уносились*; этот текст, пусть

⁵ До косой черты на белом фоне — количество форм с окончанием -ей, после косой черты на сером фоне — количество форм с окончанием -ею.

и в гораздо меньшей степени, чем перевод «Илиады», все же демонстрирует высокий стиль и элементы архаизации (ср.: *Понесся из терема сладостный гул тихострунный; Под кущей одною два рыбаля жили пришельцы; Старейший работал из гибкия вербы кошицу; Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, все тихо*). А вот примеры форм на -сь из других произведений того же автора: *Пламя вокруг меня лиющееся; И нога его стремящаяся; Каждого глаза слезящаяся; Вместе с камнями отторгшимися* («Красоты Оссиана, или песни в Сельме», 1804); *Его драгая кровь, струившаяся рекой; Утешу ль я тебя, предавшуюся печали?* (перевод трагедии Вольтера «Танкред» 1809); *О веселящаяся на высоте холмов* («Подражание Горацию», 1811–1812).

Если количественно сравнить оригинальные произведения Гнедича с «Илиадой», то окажется, что в «Илиаде» он использует причастия на -сь особенно обильно. В Поэтическом корпусе НКРЯ представлены его произведения в объеме 20 777 словоформ, среди которых встречаются 2 причастия на -сь — 96 вхождений на миллион⁶; в переводе «Илиады» 121 461 слово, среди которых 77 причастий на -сь — 634 вхождения на миллион, то есть в 6,6 раз больше. Сказанное позволяет сделать вывод, что возвратные причастия на -сь — это языковой прием, особо характерный для перевода «Илиады». Разумеется, одна лишь статистика не позволяет определить стилистическую окраску этого приема, но, учитывая общую тенденцию к привнесению в перевод архаических черт, можно достаточно надежно заключить, что Гнедич использовал причастия на -сь именно для архаизации текста (а если говорить с точки зрения истории языка, то псевдоархаизации). Заметим, что это хорошо соотносится с тем, что известно о творческой и языковой манере Гнедича, который по своей стилистике примыкал к архаистам [Тынянов 1929: 128].

Однако, по всей видимости, этот прием показался современникам слишком необычным, так что он не прижился как стилистическое средство, в отличие от многих других находок Гнедича: например сложных слов, имитирующих гомеровское словообразование. Это можно доказать, рассмотрев употребление возвратных причастий в переводе «Одиссеи», сделанном Василием Жуковским и опубликованном в 1849 г. — спустя 20 лет после перевода Гнедича.

Таблица 3

Распределение форм возвратных причастий по падежам, родам и числам в переводе «Одиссеи» В. Жуковского

Род, число \ Падеж	муж.	ср.	жен.	мн.
И	17	0	0	0
Р	0	0	3	7
Д	0	0	0	2
В = И	4	0	—	0
В = Р	0	0	—	9
В	—	—	0	—
Т	3	0	2 / 0	0
П	2	3	0	2

Из таблицы 3 следует, что Жуковский никогда не употребляет возвратные причастия в тех формах, окончания которых заканчиваются на гласный (т. е. во всех серых ячейках мы находим нули). Очевидно, что Жуковский не мог использовать в этих формах и причастия на -ся: это привело бы к появлению безударных слогов на метрически сильных местах строки, поскольку в причастиях типа *раздающиеся* ударение падает не правее 4-го слога от конца, а значит, следующее после этого ударения сильное место дактилического

⁶ Из перечисленных абзацем выше текстов в Поэтический корпус НКРЯ попали только «Рыбаки» и «Подражание Горацию».

гекзаметра будет приходиться на безударный слог в пределах того же слова (*раздаю́щиеся*). Однако пропуски схемного ударения в трехсложных размерах стали допускаться в русской поэзии лишь в Серебряном веке [Гаспаров 2000: 242]:

- (16) *И невѣполотые заносы*
На оконный ползут паранет.
*За **стакáнчиками** купороса*
Ничего не бывало и нет.

(Борис Пастернак, «Зима», 1913)

Неудивительно, что и возвратные причастия в формах, где в окончании последний звук — гласный, в трехсложных размерах до этого времени не употребляются: в Поэтическом корпусе НКРЯ нет ни одного такого примера в текстах XIX в. Первым, кто начинает употреблять такие формы, как раз и становится Борис Пастернак:

- (17) *Засребряются малины листы,*
***Запрокинувшие** изнанкой;*
Солнце грустно сегодня, как ты,
Солнце нынче, как ты, — северянка.

(Борис Пастернак, «Все оденут сегодня пальто...», 1913)

Из авторов Поэтического корпуса НКРЯ этой ритмической возможностью активно пользуются Борис Пастернак (5 примеров), Игорь Северянин (5) и Вениамин Блаженный (4).

Тот факт, что стилистический прием Гнедича не нашел продолжения в работе Жуковского и остался уникальным в истории русской литературы экспериментом, весьма показателен. Он демонстрирует различие творческого метода Гнедича и Жуковского: если первый осознанно искажал общезыковые формы, то второй просто не использовал то, что не подходит по размеру, и приближал свой текст к повседневному языку.

Использование причастий на *-сь* в качестве стилистического приема примечательно еще и тем, что оно противоречит общей тенденции использовать для архаизации церковнославянские языковые черты. Напротив, здесь мы видим употребление исконно русского правила для создания архаического эффекта. Другими примерами архаизмов такого рода служат слова с полногласием типа *полон*, *ворог* и слова с закономерным падением редуцированных типа *сбирать* vs. *собирать* (подробнее о таких случаях см. [Успенский 1994: 161]).

Таким образом, причастия на *-сь*, соответствующие общему правилу распределения возвратных показателей, используются для достижения метрических и стилистических целей в русской поэзии XVIII — начала XIX в., а единственным достаточно длинным текстом, в котором они употребляются последовательно, является перевод «Илиады» Николая Гнедича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булаховский 1948 — Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Т. II: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев: Радянська школа, 1948. [Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. T. II. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Standard Russian of the 1st half of the 19th century. Vol. II: Phonetics. Morphology. Stress. Syntax]. Kiev: Radyans'ka Shkola, 1948.]
- Виноградов 1978 — Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. [Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. History of the Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Виноградов 1982 — Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1982. [Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian literary language from the 17th to 19th centuries]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1982.]

- Винокур 1959a — Винокур Г. О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 328–387. [Vinokur G. O. Heritage of the 18th century in Pushkin's poetic language. Vinokur G. O. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1959. Pp. 328–387.]
- Винокур 1959b — Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 111–137. [Vinokur G. O. Standard Russian in the first half of the 18th century. Vinokur G. O. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1959. Pp. 111–137.]
- Гаспаров 2000 — Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha* [An outline of the history of Russian verse]. Moscow: Fortuna Limited, 2000.]
- Гнедич 1829 — Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. Ч. I. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1829. [Iliada Gomera, perevedennaya N. Gnedichem [Homer's Iliad translated by N. Gnedich]. Part I. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii, 1829.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 550–558. [Zaliznyak A. A. The rule of the apocope of final vowels in Russian. Zaliznyak A. A. *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 550–558.]
- Запольская 1985 — Запольская Н. Н. «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII века // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1985. № 3. С. 34–45. [Zapol'skaya N. N. «Clipped» participles in Standard Russian of the 18th century. *Vestnik MGU. Ser. Filologiya*. 1985. No. 3. Pp. 34–45.]
- Кулева 2017 — Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. [Kuleva A. S. *Istoriya usechennykh prilagatel'nykh v yazyke russkoi poezii* [History of clipped adjectives in the language of Russian poetry]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пеньковский 2012 — Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. Филологические исследования. М.: Знак, 2012. [Pen'kovskii A. B. *Issledovaniya poeticheskogo yazyka pushkinskoi epokhi. Filologicheskie issledovaniya* [Studies on the poetic language of Pushkin's epoch. Philological studies]. Moscow: Znak, 2012.]
- Петрова 1981 — Петрова З. М. Эпитеты М. Н. Муравьева // Сорокин Ю. С. (отв. ред.). Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 151–166. [Petrova Z. M. N. Murav'ev's epithets. *Yazyk russkikh pisatelei XVIII veka*. Sorokin Yu. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1981. Pp. 151–166.]
- Толстой 1935 — Толстой И. И. Гнедич как переводчик «Илиады» // Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Редакция и комментарий И. М. Троицкого при участии И. И. Толстого. Л.: Academia, 1935. [Tolstoi I. I. Gnedich as a translator of the Iliad. *Homer. Iliada. Perevod N. I. Gnedicha. Redaktsiya i kommentarii I. M. Troitskogo pri uchastii I. I. Tolstogo*. Leningrad: Academia, 1935.]
- Тынянов 1929 — Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 87–227. [Tyntyanov Yu. N. Archaists and Pushkin. *Arkhaisty i novatory*. Leningrad: Priboi, 1929. Pp. 87–227.]
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. [Uspenskii B. A. *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [An outline of the history of the Standard Russian language (11th to 19th centuries). Moscow: Gnosis, 1994.]